

ГОСУДАРЕВА СТРАДА

В детстве будущий первый император российский был подвержен водобоязни. Страху перед пучинами вод, как сказывает предание. Велика ли была у мальчика боязнь воды, и была ли она вообще, – теперь, разумеется, никто ни подтвердит, ни опровергнет. Определённо однако знаем, что сызмальства вода и манила его. Влекла неудержимо. Река, озеро ль, море вызывали в нем тягу и страсть, непривычную для уроженца сухопутной, далекой от моря столицы. С годами – не прошло.

К той поре, как Петр впервые побывал в Воронеже, он уже не только по Яузе да Переяславскому озеру плавал, не только строил потешные кораблики для потешной же забавы. Он уже испытал Белого моря, ходил на хлипком суденышке к Соловецким островам; захваченный страшной, волнобойной бурей, чудом остался в живых, и мокрое от ледяных брызг платье свое дарил местному лоцману – спасителю, и, надо думать, вполне избавился от водобоязни, если таковая в нем таилась.

Более двадцати лет миновало с того лета, как небольшие, но богато убранные, со слюдяными окошками кремлевские покои царственного младенца обивали с пола до потолка дорогими сукнами, таким образом надеясь оградить его от сквозняков и ушибов. Надолго ли? Скоро умер «тишайший» отец, и уже в десять лет впечатлительный сын на волосок от смерти видел, как бунтовала стрелецкая Москва, как кремлевский двор подплывал кровью, для него не чужой, как в страхе трепетала мать за свою и сына жизнь. И позже, семнадцатилетний, не он ли ночью, оставя Преображенский дворец, в полубеспамятстве мчался в Троице-Сергиеву лавру, чтоб найти защиту от стрелецкой расправы?

Московский Кремль рано ему стал докучливо-постыл. Пленила же Немецкая слобода. И всё ему в той Немецкой слободе казалось лучше, чем на старорусской улице. И женщины. И вещи. И забавы. Даже язык немецкий мнился ему более деловитым и веселым, нежели родной, русский. Ко всему иностранная колония была как бы гнездом мастеровитости. Нашлись и знатоки морского, корабельного дела. Молодой царь меж загульными пирами принялся с пылом у них учиться. Чтоб крепко стоять на земле, надобно было утвердиться на море. Грезилось оно с военными и торговыми кораблями... Как синее поле славы и богатства. (Море – горе, это придет позже).

Но с чего было начинать? Какая вода могла стать для страны животворной? Северная – Северная Двина, Белое море? Петр поначалу и устремился туда, на величавый простор воды, земли и неба. Но всё же была окраина. Студёные задворки государства. Не с руки. Мысль же о когда-то принадлежавшем новгородцам балтийском взморье представлялась, скорей всего, преждевременной; быть может, сдерживал призрак ливонской неудачи Ивана Грозного, чья четвертьвековая борьба за прибалтийские земли кончилась безрезультатно, бесславно. Значит, южная вода – более теплая,

сподручная, насущная? Как было не вспомнить: Черное море некогда называлось Русским морем!

* * *

В 1694 году, – свидетельствует болховитиновское «Описание Воронежской губернии», – царь Петр, двадцати двух лет отроду, прибыл в Воронеж. Позже он будет наезжать сюда часто, пробудет в Воронежском крае долгие месяцы, чуть не полтысячи дней. Город – недавняя крепость на приречных холмах – не так поразил его, как та даль, что открывалась с приречных холмов. Пойма реки, имя которой наследовал город, далее – поистине корабельные дубравы и рощи, ещё далее – необозримая, до южного моря густотравная степь. Река Воронеж, сама по себе приглядная и пригодная для судоходства, недалеко от города впадала в Дон. С донского берега молодой государь сразу и вполне оценил увиденное, древняя река отныне становилась путь-дорогой его собственной судьбы, равно как и судьбы России. «Обозревая течение Дона, – пишет историк Ключевский, – он увидел, что этой рекой, взяв Азов, можно выйти в Чёрное море, и решил завести в пригодном месте кораблестроение». Черноморский курс и донской путь – как возможность померяться с турецко-татарской силой, постоять за слёзы христианские – маячил ему едва ль не с детства, когда он читал Начальную Несторовскую летопись и когда сердцем воспринял морской, тысячелетний поход киевского князя Олега на Константинополь, поход, увенчанный легендарным щитом «на вратах Цареграда». Как и прежде Днепр, Дон мог вывести к Босфору. Только уже не к Константинополю, но Стамбулу. Так что богатая корабельными лесами местность, по которой тёк на юг Дон, как нельзя более отвечала замыслу молодого и дерзкого государя. Но пройдут ещё долгие месяцы, будет неудачный сухопутный поход к Азовской крепости, прежде чем всколыхнётся Воронежский край, застучат топоры на его верфи.

Лишь в начале 1696 года в Воронеже подступает корабельная страда, следует распоряжение Приказного Разряда о постройке на воронежской верфи 250 судов. В Воронеж с немалыми трудностями переправляют московские галеры и брандеры. Их срубили по образцу голландской галеры, из Архангельска доставленной в Преображенское. Если одну разобранную галеру везли из Архангельска на двух десятках дровней, то надо себе представить это в полтысячи верст «путешествие из Москвы в Воронеж» 22 галер и 4 брандеров: целый санный караван в сотни дровней! Ищи и спорь теперь, где «колыбель» отечественного флота, – Архангельск, или Москва, или Воронеж? Или, наконец, Балтика, Ладога, Нева? Всё же Воронеж не на час и не на месяц становится главной верфью страны. Сюда для корабельного дела тысячами покорных и непокорных призывается, точнее, сгоняется к верфи народ.

В Стрелецком логу, невдалеке от реки и верфи, спешно обновляют и расширяют дом подъячего Игнатия Моторина. Готовят под Государев Шатёр.

Всего-то две горницы, сени, кухонька да баня – тот «Шатёр». В конце февраля в город прибывает и сам государь. В дороге он сильно страдал от боли в ноге, ещё сильнее – от боли душевной, от неожиданной смерти старшего брата Ивана, соправителя, у которого Петр всегда находил понимание, какого никак не смог найти у сестры Софьи, жаждавшей, как по раскрытию заговора писал младший брат старшему, распорядиться в русском царстве самовластно и «венчаться нашим прародительским венцом».

Путь от Москвы до Воронежа занял более недели.

«Великое корабельное строенье» разворачивалось на воронежских, ещё заснеженных берегах широко, надолго, во многолюдстве, никогда прежде здесь не виданном. На полугорном берегу, на речном островке против крепости от темна и дотемна – разноголосица верфи. Стук топоров, гулы и звоны. Растут корабельные остовы, рельефно-четко сквозя своими ребрами-шпангоутами. Не привычные на Руси ладьи, чайки, бусы, кочи, дощаники, бороздившие воды Днепра, Дона, Ладоги, Северной Двины, Волги, но фрегаты, но брандеры, но галеры. Большие корабли, иноземное родословие. Неугомонный и нетерпеливый царь за многим доглядывает сам. Обшивают ли досками корабельные днища, смолят ли канаты, готовят ли якоря, – ничто не ускользает от его взора. Среди первых работников, с утра до ночи с топором и линейкой в руках, успевает он всюду. «В поте лица своего едим хлеб свой», – сообщает из Воронежа. Галеру «Принципиум» он от начала до конца ладит своими руками. Помогают ему его новые, им счастливо примеченные товарищи – Федосей Склеяев, Лукьян Верещагин, Таврило Меньшиков, Анисим Моляров — корабелы, какие скоро вместе с царем в Великом посольстве отправятся за границу, где к своему природному корабельному чутью добавят опробованное заморское знание. Латинское Принципиум – русское Начало. Основа. Название не без умысла, как бы приглашение в долгий путь.

На картине воронежского художника Василия Криворучко изображен Петр – строитель воронежской верфи – в полный рост; былинный, буслаевский размах и порыв. Высоко, острогрудо вздымаются большие корабли – детища его воли, его инстинкта государственности. Но не так ли – государева воля пуще неволи? Работная подневольная масса – стрельцы, солдаты, служилые люди Белгородского разряда, да казаки, да отторгнутые от семьи и сохи крестьяне огромного края – за рамой картины: но они-то главная тягловая и военная сила. Давно ли Петр-отрок смастерил себе тачку, в которой до предельной усталости, себя не жалеючи, возил камни, песок, земляной грунт для постройки валов и иных укреплений в Преображенском; теперь он всему краю, всей России вручал тачку, не спрашивая: тяжела ли? Степная река, больше тысячи верст от моря... Сбыточное ли, разумное ли дело – построить здесь морской флот? Не просто потехи ради, но достойной цели ради?

Власть и подданные, государство и личность. Глубже всех в этом вопросе, вечном и вечносущем, который задан был и петровским временем,

разобрался Пушкин. Его Медный всадник не отменяет Русь-тройку, но дополняет ее; он с тех же русских дорог. Он и узник, укрощённый в им же воздвигнутом граде, и никогда не укрощаемый посланец мятежа, седок наизготове, не знаешь, что его и всех нас ждёт завтра.

Образ Петра, образ его действий и их итог притягивали, отталкивали, понуждали увидеть Россию в общемировом потоке, давали выход чувствам современников – боли, гордости, негодованию, восхищению; всеместному то порицающему, то почтительному удивлению, наконец. Это близкое к растерянности удивление безмерности государева замысла из жизни перешло и в исторические повествования.

«Царь и гетман» — одно из таких повествований. Его автор, век назад весьма многочитаемый романист Даниил Мордовцев, вырос на казачьей земле, в Области Войска Донского, и еще в детстве слыхивал немало преданий, в которых царь предстал то как погубитель казачьей воли, то как радетель русской державы. В романе есть и такие, по авторской воле из отроческого сердца идущие чувства и слова: «Всё ему хочется Азовское да Чёрное море себе отвоевать, из Воронежа-то! Мало того, и султана турецкого воронежскими кораблями из Царьграда выгнать, а Дон – соединить с Волгой, и с Двинами обеими, и с Обью... Со всеми концами света задумал Дон и Воронеж соединить». Что и говорить, замах у цезаря – цезарский, вполвселенский. Но и требовал пота и крови. Сил не только лишь царских.

* * *

Воронеж, не раз упоминаемый в пушкинской «Истории Петра», впервые назван в такой связи: «В начале весны Петр вывел из Воронежа 2 военных корабля, 23 галеры, 2 галеаса, 4 брандера». Перечислена ударная сила флотилии. К этому перечню надлежит добавить вспомогательный плавучий отряд – больше тысячи стругов, лодки, плоты, изготовленные в Воронежском крае. Не только на главной верфи, но и в Сокольске, Доброве, Козлове. Ладили их здесь не один десяток лет, так что быструю подготовку объяснить следует и волей, решимостью царя-корабеля, но и традицией стругостроительства на воронежских плотбищах. С 1613 года Воронеж знал ежевесенние, každолетние «донские отпуска», иными словами, готовил и отправлял на нижний Дон цареву жалованье казакам за их ратные, порубежные службы, и жалованье было, во всяком случае, немалым: уже в первый отпуск казакам положены были сотни пудов муки, сотни аршин сукна, десятки ведер вина, да еще порох, свинец, сера, селитра. Для перевоза нужны были и струги, и гребцы, таковые и готовились на Воронеже-реке.

Отплытие Петровской флотилии растянулось в полторы недели. 23 апреля покидают Воронеж и берут курс на Азов усаженные на речные суда стрелецкие полки, руководит ими шотландец Гордон. Через два дня тем же путем отправляются солдатские полки – Семеновский и Преображенский. Днём позже вдогон им уходит Шеин – командующий сухопутными силами в Азовском походе, едва ли из самых одарённых полководцев, но тем не менее

уже произведённый царской волей в генералиссимусы. Наконец, 3 мая, взойдя на галеру «Принципиум», снимается с якоря сам Петр. Замыкает растянутое шествие эскадра швейцарца Лефорта. Через неделю – с недельными промежутками – пойдут ещё три небольших каравана.

Донской поход, – называют его обычно Вторым Азовским походом, – был куда серьезнее, нежели рядовой военный поход. Неудача его была бы соответственно куда серьезнее, нежели частная неудача. Царь понимал, что нельзя оступить дважды у одних и тех же стен, на виду у всего мира. И еще. Хоть он мог и не знать про арабские хроники, давно называвшие Дон славянской рекой, и вообще мог пренебречь «сентиментальными», «мистическими» звуками и нитями, исторический гул, драматический мир прошлого не мог вовсе не отозваться в нём. Ведь именно у Дона, на поле Куликовом, князь Дмитрий поднял меч против Орды, а благословил его на битву преподобный Сергей Радонежский, основатель той самой Троице-Сергиевой лавры, где не столь давно молодой царь просил защиты от стрелецкой угрозы и нашел её безоговорочно.

Как ни спешил Петр новостроенными галерами «замкнуть» враждебную крепость и лишить ее заморской помощи, прошло полмесяца, прежде чем он вышел на азовское взморье. В пути эскадра несколько раз становилась на якорь. Одна из остановок – близ впадения речки Богучарка в Дон. Местное предание видит царя пирующим на берегу речки, одну из рюмок выплескивающим в воздух со словами «Богу чарка! – восклицанием, которое якобы и явилось истоком названия здешней местности. А вот и штрих – исторически действительный: близ Богучара был оглашен «указ ко галерам». В сущности, это был первый русский морской военный устав, все последующие шли за ним, как за старшим братом; устав предписывал капитанам судов во всём слушаться начальника флота, строго запрещал отставать от адмиральской галеры или же менять свой курс; при красном флаге, поднятом на главной галере, всем капитанам надлежало изготавиться к бою; смертной карой карался тот, кто выдаст, предаст своего боевого сотоварища, не подаст помощи бедствующему кораблю или в сражении пойдёт не своим путём.

За Богучаром-рекой начинались казачьи земли, казаки, помощники Петру в его Азовском предприятии, приветствовали флот. Ещё ничего не предвещало размирья, булавинского мятежа и страшной царевой расправы над казаками, когда виселичные плоты с телами бунтовщиков поплывут по Дону жуткой зримой угрозой и на устрашение казачьему миру.

В середине мая Петру салютовал Черкасск – главная казачья станица. Азов был совсем близко.

Прежде штурма крепости царь, посадив один из стрелецких полков на галеры, исплавал к устью Дона, вслед за сорока казачьими лодками атамана Фрола Минаева. Как раз пало отливное мелководье. Галеры застряли в протоках, и Петр на казачьей лодке отправился в разведку на Азовское море. Здесь он увидел нешприятельские суда – числом 13.

С поспешностью, для царского сана, может, и излишней, он вернулся на галеры и отбыл вверх по Дону, выше Азова, решив, видимо, дождаться последних с Воронежа плавучих отрядов: два каравана были на подходе. Казаки же остались в засаде, и когда турки в помощь осаждённым направили десант, напали на последний и в абордажном бою захватили чуть не все тумбасы и ушколы – суда с продовольствием и боевыми припасами. Более того, казаки не побоялись даже больших турецких кораблей на Азовском взморье, десятки казачьих лодок устремились на абордаж. Турецкие суда снялись с якорей и скоро скрылись. Эта битва, проведенная с казачьих лодок, оказалась первой и единственной морской битвой русских с турками на Азовском взморье. Петр писал о ней в Москву так, как если бы и сам был участник. Между тем прибывают последние караваны, и вся флотилия, не без труда пройдя протоки, внушительной цепью на взморье преграждает путь к осаждённой крепости. Через две недели турецкая эскадра показалась снова. Простояв ещё две недели в бездействии, она попыталась высадить десант. Видя, однако, что русские быстро изготовились к бою, турки от боя отказались и ушли в море. Далее, как свидетельствует историк С. Елагин, – его труд по Азовскому периоду наиболее основательный и наиболее цитируемый, «флот наш оставался в наблюдательном положении до взятия Азова войсками».

Крепость – после двух месяцев осады, сопровождавшейся артиллерийскими обстрелами, возведением огромного вала, подкопами и казачьим хождением на приступ — вынуждена была сдаться. Настойчивость царя принесла первый плод.

19 июля 1696 года русские корабли торжественно палили из всех своих пушек. Говоря по строгости, флот оказался как бы зрителем, а не прямым участником баталии. Но без флота успеха бы не было. Как не было бы военного русского паруса на Азовском море без потешного, на Просянном пруду, Язуе реке, Плещеевом озере. Неудачный прошлогодний Азовский поход был у многих на памяти. Тогда сухопутные русские войска ничего не могли поделать с враждебной крепостью, которая беспрепятственно подпитывалась с моря и реки.

Одного Азова Петру с его замыслами, разумеется, было мало. Да и не мог бы приазовский Дон стать пристанищем будущего флота: слишком мелки и капризны были устьевые протоки, соединявшие реку с морем. Распорядясь заново возвести и укрепить Азов как неприступный форпост, Петр отправился на море приискать гавань для больших кораблей. Выбран был Таганрог. По-казачьи – Тараний Рог.

* * *

На пути из Азова в Москву Петр сделал несколько остановок. В Острогжске, Воронеже, Туле – всюду у него нашёлся час и для пира, и, прежде всего, для дела.

В Острогжске он встретился с гетманом Мазепой. Украинские казаки лодками ходили на приступы больших турецких судов, были помощники

царю и у Азова, и у Крыма. Царь был доволен гетманом и его воинством. Острогожск, изначально заселённый черкасами, то есть теми же казаками с Украины, ещё жил казачьим укладом и преданиями вольности, а четверть века перед тем, как сюда пожаловал царь, полковник Острогожского полка Иван Дзиньковский и его сподвижники поддержали Разинский мятеж, открыли ворота донским казакам. В рылеевской думе «Петр Великий в Острогожске» живописуются и «городок уединенный», затопленный садами в благословенной стране-краине, и сама встреча у Тихой Сосны, где гетман поднес царю осыпанную дорогими камнями саблю и щит на золотой цепи.

До Полтавы было ещё далеко.

Царь не преминул заехать в Воронеж, который теперь и вовсе стал ему близок как город, откуда сделала первый шаг его первая победа. Существует предание, что воронежцам он подарил трость – неизменную его спутницу в Азовском предприятии. Свой подарок он сопровождал словами, какие, не принадлежи они Петру, могли показаться, по меньшей мере, странными: «Вот вам трость. Как я управляю ею друзьями своими, так и обороняйтесь ею от врагов ваших». Заглянул он и на верфь – цитадель своей победы. Верфь после весенней страды стала тише, спокойнее; мастерового народу было в обрез: охотников навсегда породниться с верфью нашлось куда меньше, чем того хотел главный корабельный энтузиаст. Не хватало парусного полотна, канатов, якорей. Разве что лес не заставлял голову болеть – и лежал огромными штабелями, и синел на горизонте. Скоро, впрочем, и тут изобилие поубавится, Воронежский край на сотнях тысяч десятин оскудеет лесами, а то и вовсе утратит их: на судно средней величины шли тысячи и тысячи стволов лучших рощ и дубрав, – это при экономном расходовании, а он, лес, расходовался чаще всего нерачительно и вырубался без меры и порядка. Петр позже спохватится и издаст около 200 «лесных» указов, но и по нынешнему времени известно, какова действенность указов, когда их сотни. Точно выверенного, разумного указа подчас хватает и одного.

Помня про нужды верфи, царь на железнодорожных заводах в Туле заказал пушки, якоря, скобы и иные корабельные принадлежности. При нём выплавляли и ковали их. Петр и сам, по характеру пылкий и нетерпеливый, становился то у горна, то у наковальни.

А столица готовилась, ждала победителя. Петр заранее пожелал, чтоб встреча победоносного войска в Москве явилась бы подобием триумфа в древнем Риме. Трудно судить, насколько всё это удалось, но были и Триумфальная арка, с которой возглашались приветственные стихи, и торжественное шествие полков, и золочёные кареты, коляски, и барабанный бой, оружейная пальба. Было ещё и нечто особенное, вновинку москвичам, что позже в Петре проявлялось не раз и органично: царь не восседал в главной карете, и даже вовсе никак не ехал, но следовал в глубине шествия в простом мундире морского капитана.

За триумфами, как известно, следуют будни, и царь более других понимал, что частная победа всего его замысла, всего дела не делает. Нужен был полноценный флот. Не мешкая, Петр созывает боярскую Думу. Она

заседает в Преображенском и, после некоторой разногласности, принимает согласное решение: «Морским судам быть!» Каким образом – быть? Предстояло всю Россию, все её сословия поверстать общей «корабельной» повинностью, составить кумпанства, то есть компании для постройки судов; предусматривалась своевременная заготовка леса на Дону, прежде всего в уездах Воронежском, Усманском, Белоколодском, Романовском, Сокольском, Козловском – на территории нынешних Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей; планировался и канал между Доном и Волгою. В конце декабря Петр издает указ об устройстве в Воронеже «адмиралтейского двора», иными словами, Адмиралтейства – главного корабельного, морского Дома. Царь прекрасно понимает, чего недостаёт в затеянном и порешенном: традиции, школы судостроительства; понимает, разумеется, и другое: иноземных мастеров на труд пригласить сколько угодно, сколько казна выдержит, но все ли они будут истинно мастеровиты и найдётся ли у них то ревностное отношение к порученному, как если бы у соотечественников, пекущихся о благе государственном? И Петр находит необходимым направить за границу пятьдесят молодых соотечественников, из комнатных стольников да спальников, чтобы они за морем смогли обучиться корабельному искусству. Решился он и сам поехать, не видя иной возможности проверить, чему и сколь основательно научатся молодые русские; ему самому не терпелось узнать, как – по всем правилам – строить корабль, как вести его... да и многое иное хотел он поглядеть, понять.

Жизнь Петра заключает в себе как бы две эпохи. Словно книга в две большие части. На первой – хронологически и логически – можно было бы поставить здесь точку. Петр поставил её собственноручно, несколькими строками и днями позже.

Накануне отъезда, на прощальном пиру в Лефортовом доме ему донесли, что против него составлен заговор, и думный дворянин, стрелецкий полковник Цыклер подговаривает стрельцов расправиться с царем именно в текущую ночь и именно в доме иностранца. Быть заколотым кинжалами в Сенате – это судьба Цезаря. Погибнуть на поле битвы – тоже достойный жребий. Но быть истыканным стрелецкими ножами на пирушке? Петр в полном самообладании, с несколькими верными и сильными сотоварищами, направился к дому Цыклера. Появление его было столь неожиданным, а сам вид столь устрашающе-грозен, что одно это заставило заговорщиков смешаться и сдаться. Суд был скорым. И отнюдь не добавляющим чести великому человеку. По-разному можно было наказывать виновных. Петр распорядился самым недостойным, самым бесчеловечным образом. Послушная боярская Дума приговорила Цыклера и соучаствовавших с ним Соковнина и Пушкина к четвертованию. Перед казнью их Петр велел извлечь из могилы гроб двенадцать лет как умершего князя Милославского, вдохновителя стрелецких смут, отзвуки которых почувались, и в нынешнем заговоре, и раскрытый гроб на свинках доставить... под эшафот. Исполнено было в точности. Кровь казнённых потекла на останки давно почившего князя. Из Преображенского несчастных привезли в Москву, и тела,

разложенные вокруг каменного столба, и головы, воткнутые на спицы, несколько месяцев кряду устрашали Красную площадь.

В марте 1697 года царь отбыл за границу.

* * *

Петр и за границей Петр: ехал он туда не как царь, но как простой десятник в Великом, им же слаженном посольстве – 250 человек, в 100 саней; экстравагантное решение – затереться в посольской массе под ничего никому не говорящим именем десятника Петра Михайлова – было продуманным и разумным: приобреталась возможность уйти от утомительного, съедающего часы церемониала и обратить время на пользу дела и для утоления ненасытной своей любознательности. Правда, удаётся это не вполне, и западные дворы узнают, кто именно едет; курфюрстины ганноверская и бранденбургская домогаются встречи с царем, и, встретясь, находят его человеком выдающихся достоинств и ума необыкновенного; раньше или позже сходное о царе составят курфюрсты курляндский, брандербургский, саксонский, штатгальтер голландский, король английский, с которыми у Петра состоятся государственные, далеко идущие беседы.

Голландия – главная Петрова пристань, и здесь, к досаде царя, его скоро «рассекречивают»: местные матросы, бывавшие в Москве, узнают в плотнике государя, и весть о том быстро расходуется по маленькой стране: сборища любопытствующих всюду подстерегают его, и ему нередко приходится продирааться через человеческие толпы, работая локтями.

Он спешит. Спешит вникнуть во все стороны заморской жизни, – как иностранцы обустривают свой очаг, какими ремёслами и производствами занимаются, как строят общественное согласие, как отдыхают. Он то на верфи, то в лаборатории учёного, то в мастерской художника. Жажда всё увидеть буквально подстёгивает его. То он в море, то плывёт по Рейну, по Темзе, то даже взбирается на гору Брокен, в средневековые времена известную как прибежище колдовских сил; но взбирается не прежде, чем побывает на железных заводах Гарца. Во всём увидеть смысл и опыт, которые бы смогли пригодиться на родине.

Неуёмные силы даже не бродят, а бушуют в нём. Однажды в большой ветер он не без риска для жизни останавливает руками кружащиеся крылья ветряной мельницы. Но, конечно же, не для того он здесь, чтобы продемонстрировать свою, истинно буслаевскую удаль. Главное, зачем он здесь, – море, корабль, парус. Научиться строить корабль, поднять на нём парус, вывести в море. И в Саардаме, и в Амстердаме до жаркого пота, до кровавых мозолей, рук не покладая, плотничает он и радуется, когда к нему обращаются «Питер-плотник», но не «Ваше величество». На родину пишет: «Трудимся в поте лица своего, делаем это не из нужды, а для того, чтобы изучить морское дело, чтобы по возвращении оставаться победителями над врагами имени Господня и освободить христиан из-под ига нечестивого...» И не только плотничает, корабельную премудрость осваивает, но и учится плотины возводить, шлюзы строить, буером управлять.

Спешит. Однажды в ветреный, волнобойный день, он, не оборачиваясь на отговоры бывалых матросов, устремляется на своем буере из Саардама в Амстердам, чтобы поспеть встретить посольство. В другой раз, ночью, как ни отговаривают его бургомистры и послы, один, без лоцмана, мчится через залив из Амстердама в Саардам за своими инструментами, под утро возвращается и тут же устремляется на верфь – сделать первую затесь при закладке корабля Ост-Индской кампании.

Чтобы до конца постигнуть «корабельную архитектуру», Петр на время перебирается в Англию, где основательно дополняет свои знания по кораблестроению: много чертит, вычисляет, делает планы судов. А ещё не забывает и попить с английскими капитанами. А ещё успевает побывать в королевском дворце, в парламенте, на оружейном заводе, на монетном дворе, в обсерватории, в Оксфордском университете, даже – в религиозном обществе, причём епископы английской церкви поражаются тому, сколь был царь непоколебим в защите православной веры.

Пока недавние московские стольники да спальники осваивают азы корабельной науки, царь и его послы приискивают для надежности проверенных мастеров, а счастливо найденный ими норвежский голландец капитан Корнелий Крюйс отбирает и нанимает на русскую службу ещё около шестисот человек. Сам Петр приглядел Джона Перри, специалиста по устройству шлюзов, в надежде, что последний осуществит соединение Волги и Дона — устроит канал.

Канал не был прорыт, но шлюзы на Руси Джон Перри строил, в том числе и на Воронеже, у Чижовки. Любопытный штрих: герой «Епифанских шлюзов», знаменитой повести знаменитого воронежца, – тоже Перри. Только не Джон, а Бертран. Платонов, конечно, же, был наслышан о реально существовавшем Перри и использовал в повести его фамилию, хотя жестокая, трагическая судьба платоновского Бертрана Перри – вовсе не судьба его исторически реального однофамильца. Но вообще-то участь иных иностранцев была немногим лучше, чем в платоновской повести. Другой мир, другой уклад, другой климат. Известный соотечественник Джона Перри, корабельный мастер Джон Ден, не смог вынести, например, суровой московской зимы.

Царь и ночью часто не знает покоя: читает московские письма, отвечает на них, продумывает и записывает указы. Из Москвы – приятная весть: шведский король прислал в дар 300 пушек. В те же поры готов и царев «подарок» родной земле: три тысячи бочек «богомерзкой и проклятой бесовской травы», – чтоб пополнить казну, царь, по совету англичан, дал им откуп на продажу табака. Домой, после полутора лет за границей, Петр возвращается как царь. Останавливается в Вене. Намеревается сделать ещё крюк – заехать в Венецию, где искусно строят галеры и галеасы. Письмо из Москвы – как гром! Снова – стрелецкий мятеж.

* * *

Возвратясь в Россию, Петр сразу же проявил себя ещё в одном качестве – брандуборца и брандобрея. Может, и впрямь царю казалось, что нельзя с европейцами ни дружить, ни воевать успешно, будучи в полуазиатском виде и одеянии. Как бы там ни было, но уже на ближайшей встрече в Преображенском Петр собственноручно обрезал бороды, и у кого? – у наипреданных сподвижников – Шеина и Ромодановского. К слову вспомнить, Шеин скоро после того, тридцати восьми лет от роду, скончался, и не сказалось ли на преждевременной кончине вынесенное унижение-оскорбление? Ведь борода на православной Руси, впрочем, и не только на Руси, издревле **была как бы** свидетельство достоинства и благочестия. Бородатый Шеин ещё недавно Большим полком усмирил бородатых же стрельцов. В стрелецких бородах Петр словно бы видел дремучие заросли, через которые стране не продрасться, не выкоси он их. Но скашивать он решил не только бороды – ими занялся его шут и сами носители бород, расстававшиеся с ними или из-за опаски, или же из-за весьма ощутимого налога. Скорый суд, который Шеин позволил себе над главарями стрелецкого бунта, был, на взгляд Петра, явно мягок и недостаточен, и он, раздражённый мягкосердным своим генералиссимусом, снова принялся за тёмных, неразумных, несчастных стрельцов. Историки, склонные лишь к позитивному, одностороннему восприятию государя, предпочитают не распространяться об этом царевом деянии. В солидной «Дипломатии Петра Великого» и строчки не найдём о том, как же поступил царь с уже усмирёнными стрельцами? И впрямь – какая уж тут дипломатия? – царь велел приготовить застенки, и начались допросы и пытки, какие бывали разве что во времена Ивана Грозного. Здесь бы Петру вспомнить пример Цезаря с его политикой милосердия к поверженному противнику: после победы в Фарсальской битве полководец приказал сжечь захваченную корреспонденцию побеждённых соотечественников, чтобы уничтожить все улики против них и их родственников; но тут римский цезарь был русскому не указ, и улики выискивались под неслыханными пытками. Приговор был жесток. Стрелецкие головы сотнями покатались с плеч, причеё, упражняться в палаческом деле вынуждены были и бояре, близкие сподвижники, – такова была воля Петра, в данном случае вполне оправдывавшего свое имя – камень!

Скоро государь уже в Воронеже, на отечественной верфи. Здесь его сердце, оттаивает: верфь – живая! Иные корабли – хоть завтра в плавание! «Виноградная ветвь» на Чижовской верфи своим мирным названием как бы смягчала воинственное звучание других судов, строенных на сопредельных верфях, – «Силы», «Геркулеса», «Цвета войны»... Царь вынашивал планы нового противоборства, теперь уже с северным соседом, который совсем недавно опрометчиво подарил московской власти триста чугунных орудий. Пушки покоились в Цейхгаузе, успевшем, как и Адмиралтейское здание, и парусный двор, вырасти на острове Воронежа-реки, пока Петр пребывал в заморских землях. Взошла и разрасталась Немецкая слобода – диковинная для степного русского города россыпь островерхих голландских, английских,

швейцарских домиков, и любо Петру было смотреть на нее, напоминавшую московскую.

На верфи – снующий работный люд, горы досок, бревна вразброс – как поверженная богатырская рать. И народу повержено вдосталь, многие пластом лежат, «мостом лежат», от болезней, холода, сырости; многие вовсе убегают. Тут ещё Петр обнаруживает казнокрадство, и он, не раз говоривший, что за каждый народный рубль должен дать ответ перед Богом, страдает и карает.

Но вот радость. В ноябре 1698 года царь закладывает по собственным своим чертежам и расчетам «Гото Предестинацию» – «Божье предвидение» – корабль, который современники назовут отменно красивым и мощным.

На короткое время царь отъезжает в Белгород, затем Азов, возвращается, издаёт указ об усилении охраны верфи и судов – крымские татары всё ещё угрожают. В очерке «Мазепа», принадлежащем перу знаменитого уроженца Острогожского уезда, историка и писателя Николая Костомарова, находим свидетельство, что в те поры украинский гетман вновь приезжал на воронежскую землю для встречи с царем, а чуть позже направил для корабельных нужд и охраны судов до трех тысяч казаков. Уместно здесь сказать, что новоучреждённым орденом Андрея Первозванного первыми были награждены Головин и Мазепа.

Петру всё время приходится быть в движении. Поручив строительство «Предестинации» Федосею Оклаеву и Лукьяну Верещагину, он в середине декабря отъезжает в Москву; через два месяца — уже вновь в Воронеже. Известие о смерти Лефортова заставляет его опять мчаться в Москву, откуда он сразу после похорон возвращается на главную верфь страны.

Воронеж, впрочем, в те месяцы – не только верфь, но и дипломатическая столица России. Здесь ведутся переговоры с датским и прусским посланниками о военном союзе против шведского короля, и таковой союз заключается. Здесь царь издает указ об отправке посольства во главе с дьяком Емельяном Украинцевым в Стамбул, для заключения мира с Турцией, причем, по замыслу царя воронежскому флоту надлежало сопровождать посла до Керчи, а послу прибыть в Стамбул, видать для вящей убедительности, на военном корабле.

В конце апреля 1699 года, взяв курс на Азовское море, корабли снялись с якорей. Командующий – Федор Головин, помощник ему – Корнелий Крюйс; Петр всего лишь командир на корабле, но понятно, что движущийся флот, как и ранее строившийся, незримо и зримо управляется им. Сначала плыли медленно, в Костенске, Коротояке, Дивногорье подолгу, на день-два, останавливались.

Дивногорье с его высокими меловыми скалами, белыми столпами-утесами, излучкой Дона и широтой окоёма не могло не понравиться Петру. «Видехом столпы каменны белы: дивно ж и красно стоят рядом, яко стози малы...» – счел необходимым запечатлеть своё восхищение на странице «Хождения Пименова в Царьград» смоленский дьякон Игнатий, который в свите духовного посольства следовал по Дону в Константинополь за три века

да царской миссии. Раем земным назвал Дивногорье и сам Петр. В этом благословенном уголке стараниями другого Петра, киевского митрополита Могилы, возвысилась духовная обитель – Дивногорский мужской монастырь с церковью, прежде вырытой монахами в меловой толще. «Ночью с Дона — страхи Клонят свечку веры. С Киева монахи Роют там пещеры», – века спустя скажет поэт. Монашья страхи выгнали и при громе корабельных пушек в честь «земного рая», как если бы при громе небесном, и монахи многоусердно крестились, пока царь с приближёнными пировал; вообще, по тем пушечным пальбицам и немалым пиршествам, которыми не бедно было второе донское путешествие, его можно было бы назвать скорее празднично-увеселительным, нежели деловым. Но Петр всегда умел наверстать время, затраченное на потехи.

В Азове царь пристрастно и дотошно осмотрел как сам городок, так и крепостные стены – достаточны ли для обороны? Затем последовал в Таганрог и остался весьма доволен и ещё недостроенной крепостью, и особенно гаванью, в которой бы вполне надежно могли разместиться его новоприбывшие корабли. Оставалось только переправить, перегнать эти корабли через капризное донское устье. Пока длилось отливное мелководье, царь, не ведая отдыха, промерял, вызнавал, исследовал русла протоков; выявил, где песчаные мели, где илистые и травяные вязи: наконец, как поднялась вода, сам и лоцман, и матрос, и адмирал, что называется, без сучка без задоринки одно за другим вывел суда на Азовское море. Теперь все они были здесь: и прежде строенные «Апостолы», и новоприбывшие с Воронежа «Отворенные ворота» (царь и впрямь отворил донское устье), и «Меркурий», стократно уменьшенный макет которого водружён на «Воронежском море», а также «Цвет войны», «Сила», «Миротворец»... корабли с угрожающе воинственными названиями соседствовали с мирными, словно подчеркивая Петров замысел: искать и добывать мира через демонстрацию военной силы. Замысел удался вполне. Суда подошли к Керчи, и турки поразились полноценному русскому флоту на Азовском море. Более того, русский корабль скоро вошёл и в Черное море: посольская «Крепость» под парусами устремилась к Босфору, бросила якорь у стен Стамбула, и думный дяк сошел на берег вести переговоры о мире.

Возвращаясь по осени в Москву, Петр и на этот раз не миновал Воронежа – пробыл полторы недели, всё больше на верфи. Тогда ли, раньше или чуть позже, царь дает ход жестокому указу об изгнании с Битюга самовольных поселенцев и сожжений поселений, возникших без государевой милости. В разоре, в огне – Анна, Бобров, Чигла, Мосоловка. И позже повеленья «зорить», жечь вольных или мятежных поселенцев повторятся не раз, исполнены будут на Битюге, Хопре, Богучаре. Под карательный указ подпадут и воронежские предки Солженицына, писателя, который не только много размышлял о России и «русском вопросе», но и смог воздействовать на их судьбы; Петр, естественно, не последняя фигура в «русском вопросе», но строгий взгляд писателя, всегда помнящего о народных душе и вере,

историческом духе, сродни Достоевскому: весь «прогресс» не стоит малой слезинки ребенка, коль скоро оплачивается он слезами и кровью.

В конце декабря велено было – через очередной указ! – следующий новый год, нового уже века, начинать и праздновать с января, а не с сентября, и счёт вести от рождения Христова, а не от сотворения мира, как было на Руси прежде. «Народ, однако, роптал, – отмечает Пушкин в своей «Истории», – удивляясь, как мог государь переменить солнечное течение...» Удивляясь, впрочем, и два с лишним века спустя большевистскому декрету, «подвинувшему» время в новый стиль. Вспомним опять же Солженицына — его повесть «Один день Ивана Денисовича». Меж заключёнными заходит разговор, – когда обеденное солнце выше всего стоит? И кавторанг разъясняет, что выше всего – в час, поскольку декрет такой был, что солнце выше всего в час, а не в двенадцать, как при дедах было. «Да неуж и солнце ихним декретам подчиняется?» – горестно изумляется Иван Денисович.

Начало 1700 года. С турками ещё не договорились, со шведами не размирились. Приходилось ждать. Но ждать, без дела сидючи, Петр не умел и не хотел. В феврале он приезжает в Воронеж. Пробудет здесь без малого три месяца. В те месяцы упраздняются купманства за их малой производительностью, и в Воронеже учреждается государственный Адмиралтейский приказ, должный ведать всем отечественным кораблеустроением, а возглавить его поручается Федору Апраксину – первому управителю Воронежского края: через год Воронеж выйдет из-под административной подчинённости Белгородскому разряду и власти воеводы Белгородского полка. В те же месяцы Успенский монастырь, к которому, разрастаясь, вплотную подступалась верфь, закрывается, частью переводится в Акатов монастырь. Успенская церковь становится Адмиралтейской, торжественно освящаются корабли.

По весне сходит на воду «Черепаха» – судно, которое вычертил и строил известный английский корабел Джозеф Найт. Но, разумеется, не его «Черепахи» ради вызвал царь из столицы родных и близких, да еще иноземных послов и целую придворную рать. Главное «очезрительное» событие – спуск на воду «Предестинации», Петрова детища. Он и собственноручно задержки перерубил топором, и красивый, мощный, в 58 пушек корабль царственно сошел на воду. Судно всем понравилось — и отечественным, и зарубежным гостям. Может, быть, лишь десятилетний царевич Алексей не выказал той восторженной радости, которую ожидал увидеть отец в глазах сына; он словно предчувствовал дальнейшее...

Десяток лет спустя, когда мир с Турцией перестанет быть миром, царь распорядится перевести «Предестинацию» из Азовского моря на Балтийское, в Санкт-Петербург; велено будет в плавании «спешить, но не избегать врага, поступать военным манером с пиратами Средиземного моря, чтобы честь флага Российского не уронить». До Средиземного моря и пиратов дело, однако, не дошло: «Предестинация» была попридержана турками на Босфоре и вскоре за бесценок перешла в их собственность.

* * *

В августе 1700 года мир с Турцией подписан. Едва столицы достигает весть о том, как уже на следующий день объявляется война со Швецией, причём объясняется этот ответственный шаг туманно и несколько по-детски: «За многие неправды шведского короля, и особенно за то, что во время проезда посольства и вместе с ним государя через Ригу рижские жители и сам губернатор были в отношении их невежливы и делали им неприятности»; что верно, то верно – рижские жители и впрямь не чинились и не церемонились, но ведь не государь же, а десятник Михайлов проезжал! Текст был шит белыми нитками, наспех, и царь прекрасно понимал его уязвимость, но – не до отточенных формул: не ими собрался он возвращать России древние русские земли – былую Новгородскую водную пятину; хотя бы для начала – пятину. Чтобы стать глаза в глаза перед Европой, ступить ногой на Балтийское взморье. Не вчерашний, но выношенный план. Неспроста царь отказался целовать крест, когда годом раньше приезжало шведское посольство подтвердить и упрочить давний договор о «вечном мире».

Войска двинулись к Нарве. Из-за ужаснейшей ли ноябрьской погоды – вьюги, бившей в лицо русским солдатам, из-за того ли, что они были изморены тяжким переходом, голодом и холодом, из-за того ли, что командовали ими офицеры-иностранцы, и скоро раздался крик: «Немцы изменили!», из-за всего ли, вместе взятого, под натиском Карла с его трехкратно меньшими, чем у русских, силами, русские дрогнули и беспорядочно стали откатываться. Удержались лишь гвардейские полки, лишь они и ушли из-под Нарвы с оружием в руках.

Петр оставил войска прежде битвы. Но, показал ещё первый Азовский поход, не из тех он был, кто при неудаче опускал руки, предаваясь бездействию. Всё будто всколыхнулось в нём. И вокруг. Реорганизуется не только войско. Набатные колокола переливаются на пушки, но у Петра были другие способы всколыхнуть страну, и не о том речь, хороши они или дурны, цивилизованные или варварские. Всю страну он приводит в движение. Разумеется, и сам в непрестанном движении. В пути. В дороге. То на севере, то на юге. И снова, и снова в Воронеже.

Не проходит и полугода после Нарвы, как он опять наезжает на главную верфь страны да и остаётся здесь с марта по июнь. Будто бы и нет Северной войны. Или будто бы ничего важнее Воронежа для него и для России нет. Петру более других было ясно, что мир на Чёрном море, особенно после шумно воспринятого в Европе его поражения в Прибалтике, весьма зыбок. И поэтому нужны новые и новые корабли как сдерживающая турок сила.

Для того, чтобы донское кораблестроение подвигалось успешнее, к Адмиралтейскому приказу приписывается не только Воронеж, но и – в разное время – Коротояк, Костёнск, Орлов, Усмань, Демшинск, Сокольск, Белоколодск, Добрый, Елец, Ольшанск, Урыв, Острогужск, Верхнесосенск, иными словами, едва не добрая половина нынешнего Черноземного края.

В тот приезд Петр приказывает обустроить дорогу от Москвы до Воронежа и отныне приглядывать за порядком на ней – как следует. Устанавливаются верстовые столбы с надписями на русском и немецком языках. Почту предписывается доставлять посадским людям, а не ямщикам; задержка с доставкой корреспонденции грозит жестоким наказанием: не многозадним числом Петру надо было знать, что делается в столице, на севере, на театре военных действий; он спешит, и всё должно спешить.

Если расположить в ряд «глаголы жизни» Петра, среди первых окажутся не отдыхать-пировать, не спать, не воевать, но – работать и ехать. Ехать, двигаться, торопиться – привычное состояние Петра. Никто ныне не возьмётся сказать, сколько же вёрст он проехал, но изъездил он пол-России и пол-Европы. Карета и сани – часто ему и постель, и столовая.

В феврале 1703 года царь снова приезжает в Воронеж. По пути успевает побывать на Иван-озере, на истоке Дона, проверить, как подвигается канал меж донским верховьем и Шатью-Упой-Окой; далее заезжает в Раненбург, на липецкие берега...

Зима в тот год на Воронеже стояла холодная, и многочисленным приглашенным гостям – иностранным послам и купцам – впору было ёжиться от ледяной экзотики; впрочем, взбадривались... «пили шибко, при стрельбе из пушек». Зачем на этот раз понадобились Петру иностранцы? По-прежнему был ненадежен мир с турками, среди европейских дворов отыскивались охотники вовсе его порушить, поэтому надо было через иностранцев, своими глазами все видевших, донести до турецких и европейских берегов весть о том, что флот на Воронеже грозен и готов действовать.

Среди многих иных оказался счастливый для города иностранец. Голландский путешественник и художник Корнелий де Бруин с Чижовских бугров набросал, как удалось в крепкий холод, рисунок, где топографически точно запечатлел реку, остров, верфь с кораблями, холмистое побережье с церквями и россыпью домов; рисунок и гравюра с него, изданные вместе с описанием Воронежа в Амстердаме еще при жизни художника, – достоверный и наиболее часто используемый источник в реконструкционных текстах о городе петровского времени.

Царь изрядно потчевал гостей. Нашёл час и для собственной забавы, напомиравшей ему про милое его сердцу море: катался по льду реки Воронеж на лодке под парусами; может, и не вполне приличествовало царскому сану, но царь, с большим основанием, чем, скажем, после Нарвы, мог позволить себе веселье и отдых: в Северной войне как будто распогаживалось, уже были одержаны первые победы в Прибалтике, штурмом отвоеван Орешек-Нотебург, на очереди была Нарва, теперь уже для русских победная, и недолго оставалось до Санкт-Петербурга.

А Воронеж, степной город, по-прежнему живёт морскими заботами. В тот год здесь открывается первая школа, в ней обучают будущих морских офицеров. Именно в Воронеже Петр вычерчивает план будущей знаменитой крепости при острове Котлин – будущего Кронштадта. И именно из

Воронежа два года спустя уезжает Корнелий Крюйс командовать флотилией на Неве и Ладоге.

Поздней осенью Петр снова здесь. Он в глубокой скорби: он хоронит святителя Митрофана. На маленькой полоске приречной воронежской земли встретились две силы – духовная и светская. Не всё, надо думать, было по душе владыке в государе, хлопотавшем противоположными энергиями строительства и разрушительства; не всегда, надо думать, был доволен и царь епископом воронежским, однако его твёрдость в защите православного благочестия сумел оценить и принять. Митрофан же был из тех немногих выдающихся иерархов православной церкви, кто, как и Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, поддержали именно державные Петровы труды; святитель способствовал успеху корабельного строительства, помогая служилому люду на верфи как проповедями, так и «зипунами»: из домашней и церковной казны дал он серебра на корабельное дело, по преданию, сопроводив подношение словами: «Всякий сын Отечества должен посвящать остатки от издержек своих нужде государственной».

В 1705 году Петр пробыл в Воронеже недолго. Успев распорядиться о переводе верфи из Воронежа в Таврово, ближе к Дону, он вынужден был срочно покинуть город из-за сложной военной обстановки в прибалтийских землях. И лишь через четыре года снова приезжает в Воронеж.

Это год уже недалёкой Полтавы. Одно время казалось, что шведский король двинется на Белгород и Воронеж. Но по тому, как Карл шел по Украине, стало ясно, что Воронежу и его кораблям ничто не угрожает. Петр занялся самыми разнообразными делами. Осматривает корабли. Участвует в допросах булавинского атамана Никиты Глотова. Наблюдает солнечное затмение. А вот и более долговременное – составляет черновую роспись губерниям – документ, на два века определивший административное устройство России; правда, позже губерний станет больше, нежели восемь огромных образований, начертанных в Петровой росписи, но Азовская (Воронежская) губерния – уже среди изначальных, петровских. И еще существенное: в марте царь созывает в Воронеже Военный совет, разрабатывается план летней кампании против шведов. Как бы предопределяется Полтава.

Наконец Петр затевает еще одно, третье и последнее донское плавание. Не из-за того, разумеется, что Дон давно ему люб и близок; он хочет посмотреть Азов, Таганрог, успокоиться их крепостью, прежде чем прибыть в войска на Украине. Плыть он надумал на бригантине «Зейкат», что по-голландски значит «Кот под парусом». Бригантина находилась при Тавровской верфи, и царь поехал туда вместе с вызванным из столицы сыном, опять-таки в надежде зажечь у царевича искорку интереса к его делу. Но для царевича верфь не стала радостью и духа ему не прибавила.

Через десяток лет всё оборвется, разnodвижение отца и сына закончится трагическим исходом. На картине уроженца Воронежа известного художника Николая Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея», с выразительной лаконичностью и строгостью запечатлено предпрешённое

трагическое противостояние двух близких кровно, но уже враждебно-чужих людей. Они ещё в одном зале, но ноги их на разных паркетных квадратах, и глаза их видят и вспоминают разное, и мысли их – об одном, но разном; царь и царевич словно бы выбиваются из неписаного правила жизни, где отцы – чаще всего защитники старого, а дети – чаще всего поборники новизны: у отца, у царя, чаемая Россия – впереди, у подсудимого, сына, у царевича – позади. Русский вариант вечной драмы: сын – посудимый, он побеждённый и потому несчастный; отец – судья, он победитель и не менее несчастен, чем побеждённый.

Плавание приостанавливается у впадения Осереды в Дон. Царь окончательно решает – здесь быть главной донской верфи. Английский корабельщик Ричард Козенц, строитель «Старого дуба», «Спящего льва» на Воронеже, составляет чертёж Осередской крепости, здесь же он заложит первые суда. Строились здесь корабли и много позже, «Новопавловск», например, участвовал в Чесменском сражении в 1770 году.

Увиденным на Азовском море царь недоволен – с такими трудами строенный флот «большой частью сгнил». И всё же море, как всегда, Петра воодушевляет. После воды ему крепче стоит на суше. А крепкое стояние понадобится уже в ближайшие недели. Ещё в мае он на Азовском море, а уже в июне – Полтавская баталия.

Полтава – звездный час Петра. Пушкин с его безошибочным чутьем Истории, редкостным интуитивным даром чувствовать и видеть истинно высокое во днях былых, нарисовал романтический образ, и именно при Полтаве заслуживает Петр пламенного пера и как государственный муж, и как полководец, и как человек. Его речь перед воинами составила бы честь любому государю и в любые времена: «Воины! Вот пришёл час, который завтра решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия, в блаженстве и в славе для благосостояния вашего». Перед битвой он создает запас не только морального, но и физического русского преимущества, образуя две линии обороны, с силами, гораздо превосходящими шведские; он всё взвешивает, он осмотрителен и предусмотрителен и даже идёт на военную хитрость, переодевая сильнейших своих солдат в форму слабейших; а затем с этими «слабейшими» устремляется в гущу сечи. Вообще, он изменяет своему правилу – без крайней надобности не рисковать, и все два часа – всюду и везде, где опасность; пули во множестве ищут его, одна бьет прямо в грудь, но спасает тяжелый железный крест.

После битвы царь приглашает к победному столу не только русских, но и шведских военачальников, и великодушно, широким жестом, пьёт за здоровье «своих учителей». Словно не с ними велась многолетняя изнурительная война! Разумеется, и великодушные знали границы, и, пируя с

высшими шведскими чинами, низших – три тысячи шведских солдат – Петр отправляет на Дон строить Осередскую крепость. И всё же подарить шпагу Реншильду – совсем недавнему противнику, – для этого надо быть Петром! Да, и право, больше радости – вручить оружие достойному противнику, нежели худому союзнику: царь раньше дарил шпагу курфюрсту Саксонскому, а обнаружил её на Полтавском поле – переподаренную шведскому королю и за ненадобностью брошенную.

После победы при речке Ворскле государь как бы продолжает свою полтавскую речь, но уже не в словах. Он навещает и обходит раненых, велит позаботиться о них, он награждает всех солдат – участников Полтавской битвы – серебряными медалями и выдает им месячное и полугодовое жалованье. Может быть, впервые по-настоящему он видит бедственное положение Руси крестьянской и, может быть, впервые откликается на её стон – списывает недоимки за многие годы.

В декабре царь-победитель вошёл в Москву. Как пишет Пушкин – «при пушечной пальбе, колокольном звоне, барабанном бое, военной музыке и восклицании, наконец, с ним примиренного народа: здравствуй, государь, отец наш!»

В том же месяце, в год Полтавы, у Петра родилась дочь— царица Елизавета.

* * *

Февраль 1711 года. Народное молебствие в Успенском соборе. Перед собором – гвардейские полки, с ними – знамена. Знамена – новые; не белые, как прежде, а красные.

Снова царь, войска, Россия разворачивалась лицом на юг. Надвинулось то, чего Петр боялся более всего, – война на два фронта. Турция снова была во врагах, требовалось новое испытание сил.

Воронежским кораблям предписано было идти на Азовское море и оттуда тревожить турок. Но в тот год весенний разлив не выдался, из-за мелководья корабли не смогли преодолеть воронежские и донские мели. Лишь строенный на Рамонской верфи «Таймолар», капитаном которого был тридцатилетний, с севера прибывший, Витус Беринг, благополучно прошел и Воронеж и Дон и своими пушками добавил орудий Азовской эскадре. Но участь и Азова и всей русско-турецкой кампании решилась не на Азовском море.

В июне, ровно через два года после Полтавской битвы, Петр с тридцатью тысячами русского войска был окружен у реки Прут, у местечка Новое Станелище. «Господа Сенат, извещаю вас, что я со своим войском, без всякой с моей стороны вины, но только вследствие ложных известий, окружен войском всемерно сильнейшим... мне остается, если не спасет меня неожиданная помощь Божия, со всем моим войском претерпеть поражение и погибнуть или отдаться в плен. Ежели случится последнее, то вы не должны считать меня своим царем и государем и не исполнять ни одного из моих повелений, если бы даже оно было собственноручно мною написано, пока я

сам лично не явлюсь к вам; если же я погибну и вы о том получите верные сведения, то выберете достойнейшего мне в наследники».

Сегодня достоверность этого письма, впервые опубликованного в немецкой печати, через много десятилетий после Прутского похода, а подлинник и поныне не найден, оспаривается в научном мире как некая мистификация. Вроде «Петрова завещания», только с положительным для репутации царя и репутации России знаком. Но существо дела было именно таковым, как в письме; независимо – подлинно петровском или лжепетровском. «Неожиданная помощь Божия» все-таки явилась – представилась возможность заключить перемирие. Царь, минутами в полном смятении и отчаянии ожидавший исхода переговоров, готов был возвратить не только у турок, но и у шведов завоеванное, и не только Ригу и Ревель, но и детище свое – Петербург. Лишь бы – не капитулировать. По счастью, до этого не дошло. Согласно перемирию, русским надлежало разорить и покинуть Таганрог и Каменный Затон, передать в турецкие руки Азов и Воронежский — Донской — Азовский флот.

Скоро азовские жители были переведены на воронежские земли (так образовалась слобода Азовская на Битюге), а гарнизон Павловской крепости разместился на Осереде, и Осередская крепость сменила свое название – на Павловск. Воронеж стал центром Азовской губернии.

Всё надо было начинать сначала. Во всяком случае – на юге.

Может, забавно, чтоб не сказать резче, увидеть ныне соседям с Анатолийского или Скандинавского полуостровов наши попытки – устно, письменно и вещно – праздновать трехсотлетие отечественного флота. Куда ушел он – начальный флот? И куда уходит его наследник – нынешний Черноморский? И, главное, во что, в какое море слёз и крови обошлась народам-соседям та южная война? Та северная? Современное сознание не может не задаваться и такими вопросами: что дало «прорубленное» окно самой России? Быть сырьевым придатком западного мира? Быть из века в век «неудобной», даже ненавидимой и в конце концов приобретённое растерять? Где Прибалтика? Где Юрьев, Карелы, Нарва? Где Держава?

В 1710 году, когда русские войска овладели Ригой, Ревелем, Кексгольмом, когда вся Прибалтика подпала под царскую власть, казалось что победа и мир со Швецией уже близки. Но свалилась Прутская неудача на юге, аукнулась она и на севере. И ещё десять лет длилась война. Россия тяжело и верно двигалась к победе. Были дипломатические успехи и промахи, сухопутные бои, морские сражения. Было Гангутское морское сражение, где победители – Петр Первый и Федор Апраксин с их воронежским прошлым и черногорец Змаевич с его воронежским будущим – выказали немало находчивости, отваги, флотоводческого дара. Была и «северная армада», – соединенная, в восемьдесят с лишним кораблей эскадра русских, англичан, голландцев и датчан, которой командовал русский царь; и пусть недолгие её действия носили более демонстрационный, нежели реальный военный характер, но флотоводец-то был реальный, и реально, таким образом, признавалась Россия – как участница всеевропейского дела.

Обнаружилась наконец и готовность Карла пойти на мир с Петром, и лишь гибель шведского короля от шальной пули не дала закончить войну в более ранний срок. Оттяжки враждебной стороны. Покорение русскими Финляндии, опустошение шведских побережий, как прежде прибалтийских. И – долгожданный мир!

1721 год. Победный Ништадский договор. Россия – морская держава.

Сенат преподносит Петру титул «Отца Отечества, Петра Великого, императора Всероссийского». И уже при жизни законность Петрова титула признают Пруссия, Дания, Голландия, позже – вся Европа. Если в начале царствования «народ почитал Петра Антихристом», то к концу его жизни о нём уже складываются песни и предания. Император мог бы пребывать во славе, ничего больше не затеывая и никуда не устремляясь. Но года не пройдёт, как он снова в дальней дороге. Он отправляется в Персидский поход, на Каспий. И снова жара и холод, походная еда, походная постель. Император – снова солдат.

На возвратном пути в конце 1722 года он заезжает в Воронеж – в последний раз. Здесь была колыбель его первой победы, отсюда начинала свой путь его европейская слава. Никогда нам не узнать, о чём думал он в свой последний заезд в Воронеж. Империя его была огромна, но как создавалась она? Через пот, слёзы, и кровь, кровь... Через мор и гибель. (Два с лишним века позже у писателя Михаила Пришвина появится запись в его Дневнике. «Узнал, что Петр ехал по осударевой дороге, за ним везли виселицу...» Вся Россия обернулась осударевой дорогой, и надолго. А просеку, так и не заросшую за два века, тяжёлыми водами затопил Беломорканал. Новая, уже большевистская просека). Империя его была огромна, но пришло ли при нем благоденствие на её просторы? Его близкие, его бывшие товарищи, его им созданное окружение – через одного да сплошь мздоимцы, расхитители державы, обманщики царя и веры, клейма негде поставить. Его подданные на низах всё так же бедствуют, как и четверть века назад, и во всё царствование явные мятежи одних – казаков, башкир, раскольников – он усмирал, а скрытый, неслышимый ропот других – рекрутных крестьянских деревень – он всё-таки чувствовал и слышал. Переиначенная, перекрученная Россия движима ли реформами, благодетельны ли они, или же вчастную и реформы не живительны, и страна буксует, как телега по ступицы в грязи? Империя его огромна, но кому передать управление ею? Царевич Алексей, давно ли приехавший в Воронеж, где он? Приговоренный к казни за измену, он в могиле. «Петр многое переделал и переломил в России, но собственного сына ни переделать, ни переломить не мог», – этих слов историка из будущих времен государь, естественно, не слышал, но он их слышал в своём сердце.

Не только Воронеж, но весь придонский край, где Петр бывал и оставил следы своих шагов, начинаний, предписаний, дышит живой, сложной памятью о нём; Липецк, Белгород, Курск, Данков, Козлов, Ораниенбург... словом, весь край, который послужил «для гениального творца новой России своего рода опытным полем», – именно таковой

образно ударной фразой местная общественность обосновывала свое ходатайство о присвоении Воронежскому сельхозинституту имени Петра Великого в начале нынешнего века. Опытное поле? Здесь-то и водораздел, незримая черта меж прогрессистской и разумно-консервативной мыслью. Можно ещё понять, когда проделываются опыты над злаками. Хотя и у них, живых, болит – болит для нас неслышно и невидимо. Но опыты – над людьми? Да ещё таким образом?

И сегодня Петр остаётся не только нашей историей, но и нашей проблемой. Мы всякий раз обречены на поражение, если хотим видеть его образ в свете однотонного луча, независимо – светлого или тёмного. Нельзя понять Петра только через восхваление, едва ли возможно понять и через хуление, вернее, через неизменное разглядывание худшего в нём. Образ многогранен и широк, и однолинейное, туннельное видение его мало что даёт.

Одни говорят: он хранитель страны и жизнь свою положил за Отечество, он и всё иноземное зазывал и завозил ради Отечества, а не корысти ради, да и само слово «патриот» разве не при Петре появилось на Руси? Другие возражают: он, вольный или невольный, загубитель страны, он завёз, впустил в державу бациллы, которые и привели её к падению. Добавляются и иные разноречивые голоса: он заботился о достоинстве не только державы, но и личности; не заботился, а напротив, сплошь и рядом унижал достоинство личности. Одни называют его служителем тёмных сил, вспоминают мерзостно-шумный, загульный всешутейный собор, **замену патриарха Синодом**, поправление тайны исповеди, другие – глубоко религиозным человеком, вспоминают его указы – в церкви во время службы не разговаривать, челобитных не принимать, повторяют его слова о границах кесаря и безграничности Бога: «Господь действительно дал царям власть над народами, но над совестью человека властен один Христос, и соединение церковей может совершиться только по воле Божией», вспоминают и его предсмертное: «Верую, Господи, помози моему неверию!» Одни видят в нем только царственно-величественное, другие – лишь деспотически-варварское. Для одних он — преобразователь, для других – разрушитель. И так – без конца...

Была натура и судьба, в которой все переплелось в многожильный, многоцветный провод, и вопрос еще в том, на что кого – личность и общественную волну – «подвигает» образ Петра, его опыт, и каким кому видится Петров завет?

Высокое? И тогда мы видим Ломоносова и Пушкина, на страницах произведений которых – словно бы отсвет петровской государственности и отечественной чести; или же перед нашим мысленным взором парусник «Азов» в Наваринском 1827 года сражении – пылающий, со ста пятьюдесятью пробоинами, побеждающий во многократ сильнейших; или же бриг «Меркурий»; или же крейсер «Варяг»; да и целый флот, который за два века не знал иных поражений, кроме страшной Цусимы.

Но ведь пример подаёт не только достойное. И не только достойным. Костоломные «революционные реформы» петровских времён наследуются новыми словами, перестройками, революциями, и терзают эти революции несчастную страну уже целый век: январская сменяется февральской буржуазной, февральская – октябрьской большевистской, октябрьская – апрельской «перестроечной», апрельская – августовской «бархатно-криминальной», опять же буржуазной. Вместо эволюционных преобразований – скорее, скорее! – только бы успеть заявиться.. Как ни называйся они, – когда-то выпорхнувшие из подполий «кооптированные», или же недавно покинувшие недра Политбюро «всенародно избранные»; большевистские первые секретари или необольшевистские «демократические» президенты – похватистая смена декоративных псевдонимов. Трагедия русского двадцатого века ещё и в том, что «пришли худшие» и весь век на верхах бал правят подмена, ложь, бесчестье.

И мыслимо ли ждать от «реформаторов» и бесчисленных их обслуживающих помощников, референтов, рецензентов, советников, соборов, клакеров, сагопевцев и прочая, мыслимо ли ждать поступков, требующих мужества, благородства, действительной ответственности, бескорыстия, чувства долга и родины? Здесь им не указ и Петр, столь любезный им в «революционном реформаторстве». Не указ и не пример такой государь, который бросается в ледяную воду, чтобы спасти тонущих матросов; наравне с простыми корабелями часами не выпускает из рук топора; вместе с солдатами роет окопы и делит скудный паек; себя не жалеет и во многом отказывает себе, зная, что и Отечеству приходится не жалеть себя; будучи высоким гостем, роскошным апартаментам королевского дворца предпочитает походную свою кровать в гардеробной; ненавидящий мздоимцев, казнокрадов и мародёров в чинно-правительственных одеждах, себе не позволяет тратить более обычного своего жалованья, полагая, что за каждый народный, государственный рубль должен дать ответ и отчёт перед Богом. Или же другое. Имея мало времени, всю ночь, при фонарях, осматривает сокровища Дрезденского музея, в Кенигсберге обнаруживает и как истый учёный-патриот, приобретает для родины древний свиток – список Несторовой Начальной летописи; в Реймском соборе, где веками короновались французские короли, вдруг повергает в «великое потрясение» священнослужителей – свободно читает молитвенную книгу, писанную «неведомыми, таинственными письменами», – то церковнославянский Требник, завезённый во Францию ещё дочерью Ярослава Мудрого – французской королевой; спешит не на какой-нибудь «экслюзивный саммит», но спешит встретиться с европейскими учёными, художниками, общественными деятелями, поражая их своими знаниями и любознательностью.

Петр, царственный по природе и нередко поступками, сказал однажды голландским плотникам, которые в разговоре с ним попытались, себя

переламывая, объясняться не свойственным им – изысканным – слогом: «Давайте говорить как плотники!»

Петр в народном сознании двуедин. Он и русский государь, заботник державы, он же и — «заменённый»... Предание: подлинный царь пленен за морем и «закладен в столб, а на Русь пробрался немчин»; еще предание: плененный царь посажен в бочку и пущен в море...

А вот – бунинское: «Россия! Помни же Петра. Петр значит камень. Сын Господний на камени созиждет храм И скажет: «Лишь Петру я дам Владычество над преисподней».

Петр был словно вольный пленник водной стихии, морской волны, беспокойной, как он сам. Он любил море, тосковал, когда долго его не видел. Ему нравилось всё, что было связано с морем. Он и в Лувре долее всего простаивал у мариинских полотен, на которых – море, корабли, лагуны, утёсы... Но судьба! Вода его целила, она же и приблизила его конец. За три месяца до кончины, после трудной операции, едва выздоровев, император, не могший сидеть без дела, затеял длительную, решительно запрещённую врачами поездку. Он побывал в Шлиссельбурге, на Ладожском канале, на солеварнях; на Олонецких заводах выковал трехпудовую полосу железа. Благополучно вернулся. Обошлось. А через два дня поехал снова – на Сестрорецкий оружейный завод. Был конец октября, холодный ветер пронизывал насквозь, била тяжёлая финская волна. Петр продрог и велел причалить к берегу. И тут транспортный бот, шедший с матросами и солдатами из Кронштадта, стал тонуть на его глазах. Он кинулся спасать несчастных: подплыв на лодке и оставив её, по грудь в ледяной воде, стал вытаскивать тонущих...

Завещание он так и не успел составить. Лишь два слова: «Отдайте все...».

Начав предание, преданием и закончим. В три года царевичу подарили саблю, отец велел освятить её и опоясал ею маленького Петра, сказав: «Ты опоясан мечом правды, смотри же, обнажай её только на правое дело, на защиту родной земли!» Меч правды... Соединимое ли – в жизни? Или: меч есть, а правды нет? Или так: Правда берёт вовсе не мечом. А может, всего вернее сказать так: меч – в руках царских, правда – в руках Божьих. Но соединимы ли меч и правда не земле – вопрос из вечных.